

После слов Хо Чанъянь оба перестали баловаться и спокойно доели ужин. После трапезы Цзян Вань снова утщила Хо Ци, заставив рассказывать истории о Пинляне. Цзян Вань так заслушалась, что захотела отправиться с Хо Ци на северо-запад, но он, недолго думая, описал безлюдные и мрачные пейзажи пустыни Гоби, после чего Цзян Вань сразу же отступилась.

Позже Хо Ци, сославшись на множество дел в усадьбе, отклонил предложение Хо Чанъянь остаться на ночь и отправился напрямиком домой.

* * *

[Маленькая сцена:

Цинъян: Я всегда живу в чужих легендах.

Хо Ци: Я всегда слышу о тебе в чужих легендах.

Автор: Я всегда пишу вас обоих в легендах.

Читатели: Ммммммммм]

На двадцать третий день в Шэньюне неожиданно пошёл сильный снег. Снегопад был мощным, в сливовом саду усадьбы Хо многие ветви не выдержали тяжести, и лепестки, покинув ветви, стали опавшей алой россыпью.

В этот день Хо Ци должен был отправиться в дом Чжао на частный банкет, поэтому тщательно подобрал наряд: длинный халат тёмного цвета с переплетающимися узорами облаков, нити узоров были глубокого оттенка, так что с первого взгляда их было трудно разглядеть. На поясе у него висел нефритовый ремень с подвесками — этот богатый наряд скрадывал часть его суровой воинской ауры.

Управляющий Ван знал, что Хо Ци здоров и не боится холода, но всё же приготовил ему тёмный плащ на меху. По прибытии в дом Чжао Чжао Цзычэн уже ожидал у ворот.

Увидев сходящего с кареты Хо Ци, слуги поспешили раскрыть бамбуковый зонт, укрывая его от снега, а Чжао Цзычэн вышел навстречу.

Северный ветер свистел, снег валил густой пеленой, мешая обзору и слуху. Смутно Хо Ци услышал, как Чжао Цзычэн говорит:

— Шисюн, я жду тебя уже давно, проходи скорее в дом.

Знакомый голос мгновенно отозвался в памяти Хо Ци. Он замер на месте, смутно припоминая, как давным-давно кто-то тоже называл его так:

— Шисюн, проходи скорее, ты не замёрз? Я жду тебя уже давно.

Образ человека из памяти стёрся, прошло слишком много времени, и Хо Ци почти не мог вспомнить черты его лица.

Воскрешённая картина была проста: деревянная дверь, по сторонам — сухие ивы и увядшие лотосы, за дверью — силуэт с чёрными, как вороново крыло, волосами, которые ветер развевал, и так хотелось взять нефритовую гребёнку и аккуратно их пригладить.

Чжао Цзычэн, увидев, что Хо Ци не двигается, окликнул его ещё несколько раз, прежде чем

тот очнулся от воспоминаний. Они непринуждённо беседовали по дороге в главный зал.

Чжао Чжэн уже ждал в зале. Увидев входящего Хо Ци, он отставил чай и поднялся, чтобы поприветствовать его.

Хо Ци, заметив, что Чжао Чжэн встал навстречу, поспешил отдать поклон:

— Дядя Чжао, много лет не виделись, как ваше здоровье?

— Ха-ха-ха-ха, Хуаньянь заставил этого старика хорошо подождать! О другом не посмею говорить, но тело ещё крепкое.

Чжао Чжэн взял Хо Ци за руку, и они сели друг напротив друга за большим столом в центре зала. Слуга подошёл долить чай. Чжао Цзычэн уже собрался удалиться, но Чжао Чжэн остановил его:

— Чэнэр, останься пока. Через некоторое время в Военном министерстве будут дела, мне с Хуаньянем поговорить особо недолго.

Чжао Цзычэн повиновался и остался. Чжао Чжэн снова повернулся к Хо Ци:

— Большинство дел в усадьбе ведаёт Чжаоян. Этот старик уже в годах, дела при дворе мне и так не под силу. Хотел пригласить тебя собраться ещё в день твоего возвращения в столицу, но кто знал, что в конце года дел будет невпроворот, времени выкроить никак не удавалось, вот и отложил до сегодняшнего дня. Хуаньянь, не сердись.

В молодости Чжао Чжэн был видным и статным, с квадратным лицом и высоким носом. Сейчас ему пятьдесят два, в чертах его лица ещё угадывалась грозная мощь времён службы в армии, но виски тронула седина, а морщины на лице выдавали нелёгкие годы взлётов и падений при дворе.

— Дядя Чжао, не стоит беспокоиться, Хуаньянь всё понимает. Это я проявил бестактность, вернувшись в столицу так давно и ни разу не навестив вас лично.

Чжао Чжэн внимательно разглядывал Хо Ци, и на его лице внезапно появилась тень грусти:

— Что ты говоришь? Наши два дома — как одна семья. Старый генерал ушёл много лет назад, а я не видел Хуаньяня целых десять лет. И теперь, глядя на твоё лицо, невольно снова вспоминаю старого генерала.

Услышав, что Чжао Чжэн упомянул деда, Хо Ци тоже стало грустно. Родные места, старые знакомые, но родного человека нет.

— Хуаньянь непочтителен, стыдно и перед дедом, и перед дядей Чжао. Хоть внешне я и похож на деда, внутри мне до него далеко.

Чжао Чжэн погладил бороду, явно не соглашаясь со столь скромной оценкой Хо Ци:

— Говорят, в семье военачальника не бывает щенков. Глядя на твои деяния за эти годы, я вижу, что ты не опозорил старого генерала. А вот этот мой сын, целыми днями только петушинные бои да собачьи бега, бездельничает — прямо как тогда, когда вы оба стали учениками учителя Данъян-цзы, ему до тебя далеко.

Чжао Чжэн не отпустил Чжао Цзычэна, и тот почтительно стоял рядом. Возможно, из-за

сегодняшнего банкета он тоже уделил внимание одежде: на нём был фиолетовый халат, на воротнике и манжетах вышиты замысловатые узоры, высоко заколот нефритовый головной убор, шёлковые кисти свисали до ушей, а на поясе сверкали золотые и нефритовые украшения. Чжао Цзычэн был внешне похож на мать: черты лица изящные, кожа светлая, настоящий красавец. Если поинтересоваться, можно узнать, что его внешность в столице тоже имеет некоторую известность.

Чжао Цзычэн, услышав, как отец отчитывает его, не рассердился, а, наоборот, стал ещё почтительнее и скромнее, с улыбкой поддакнув:

— Отец говорит верно, шисюн известен далеко за пределами Поднебесной, мне, конечно, с ним не сравниться. Цзычэну нужно, как и прежде, стремиться к совершенству, глядя на достойных, и многому у шисюна поучиться.

Как же Хо Ци мог принять такую похвалу, сравнивающую их обоих? Он тут же начал отмахиваться:

— Я вернулся в столицу уже много дней назад, а талант Цзычэна уже гремит повсюду, мудростью он давно превзошёл меня в сотни раз. Цзычэн слишком скромен, дядя Чжао только унижаете Хуаньяня.

Чжао Цзычэн был родом из хорошей семьи, но Чжао Чжэн воспитывал его строго, с детства отдав вместе с Хо Ци, выходцем из семьи военачальников, в ученики к прославленному в своё время гению Данъян-цзы. Поскольку Хо Ци был немного старше и поступил раньше, он стал его шисюном.

В воспоминаниях Хо Ци Чжао Цзычэн был одарённым и прилежным учеником, любимцем учителя. Но прошло много лет, да и прежде они не были особенно близки, и теперь при встрече между ними возникла отчуждённость.

Втроём они ещё немного поговорили о прошлых событиях, но управляющий за дверью несколько раз торопил Чжао Чжэна — видимо, во дворце или в Военном министерстве были срочные дела. Хо Ци, естественно, не мог задерживать. Чжао Чжэн ушёл поспешно, наскоро переодевшись в официальное платье, но всё же наказал Чжао Цзычэну хорошо принять Хо Ци и попросил извинить его за то, что не сможет составить компанию. Хо Ци, конечно же, согласился.

* * *

[Маленькая сцена:

Чжао Цзычэн (подавая лунные пряники): Шисюн, на Праздник середины осени едят лунные пряники, на, тебе.

Хо Ци: Не буду, не буду.

Цинъян (подавая лунные пряники): Генерал, генерал, кушай лунные пряники, на, тебе.

Хо Ци (активно тянется принимать угощение): Спасибо, дорогая.

[Внутренний монолог Чжао Цзычэна: Так что я только что съел целую тонну собачьего корма???)

Автор (яростно уплетая лунные пряники) кивает: Неплохо, неплохо, что вкуснее — собачий корм или лунные пряники?]

* * *

После ухода Чжао Чжэна Чжао Цзычэн сообщил Хо Ци о своих планах:

— Я помню, как шисюн в прошлом любил пиры и развлечения, собирал столичных аристократов, вместе сочиняли стихи, играли в тоуху, пили вино. Армейская жизнь скучна и монотонна, шисюн редко возвращается в столицу, поэтому Цзычэн устроил частный банкет, осмелился пригласить многих знатных юношей из столицы. Хотя и с опозданием, но это можно считать банкетом в честь твоего возвращения.

Если говорить о банкете в честь возвращения, то дом Чжао действительно несколько затянул. Хо Ци вернулся в столицу больше двух месяцев назад и с тех пор побывал на семи-восьми больших и малых пирах. Однако отношения между семьями Хо и Чжао были неоднозначными, многие в столице следили за их действиями, и осторожность дома Чжао казалась оправданной.

Чжао Цзычэн пригласил на пир многих знатных юношей столицы — это могло и продемонстрировать уважение к Хо Ци, и явить всем открытые отношения между ним и Хо Ци, убив двух зайцев одним выстрелом.

Его шиди, шифей, был по-прежнему проницательным и осторожным.

Местом для частного банкета был выбран Павильон агарового дерева. Павильон агарового дерева отделялся от главного здания прудом, через который вела деревянная галерея с беседками. От галереи в обе стороны расходились четыре тропинки, каждая вела в места с разной атмосферой, каждая таила свою загадку.

Только войдя в павильон, они сразу увидели нескольких привлекательных служанок. Те слегка присели в поклоне перед обоими, затем подошли снять их плащи. Чжао Цзычэн повёл Хо Ци во внутренние покои.

Хо Ци незаметно осматривал Павильон агарового дерева. Снаружи павильон выглядел простым, но внутри открывался совсем иной мир. При ходьбе в носу постоянно витал аромат агарового дерева, повсюду в помещении горели жаровни с углём, и температура здесь позволяла совершенно не ощущать вторжения холодного ветра. Постепенно стали слышны голоса, Чжао Цзычэн остановился, дал знак следовавшему за ним Хо Ци, а затем распахнул дверь во внутренние покои.

<http://bllate.org/book/15614/1394002>